

Корбулона легли в основу соответствующих частей истории Тацита, который, однако, пользовался, излагая историю парфянской войны, наряду с этим и Плинием и Клувием, главным образом для событий, происходивших в Риме, которые, само собой, не могли быть отражены в записках Корбулона. Тацит критически переработал материал, почерпнутый из записок Корбулона, и вставил его в анналистическую схему, в основном самостоятельно, но, возможно, под некоторым влиянием Клувия. Повествование Корбулона он дополнил сведениями, почерпнутыми из других источников (о событиях в Риме, о военных действиях Пета), главным образом из Клувия, частично враждебными Корбулону. Распределение материала между Корбулоном и Клувием в повествовании Тацита, устанавливаемое по содержанию и по тенденции изложения, в отдельных случаях подтверждается некоторыми формальными признаками. В начале III в. краткий очерк истории парфянской войны был составлен Кассием Дионом, который опирался (как и вообще для времени с 47 г.) на Плиния, но не пользовался самим Корбулоном. Отдельные отрывки Плиния, вставленные в общую анналистическую схему, Дион, сильно сократив их, соединил в один рассказ, но сохранил общий дух повествования Плиния и через него Корбулона, так что характерные особенности корбулоновского рассказа выступают у него лучше, чем у Тацита. Текст Диона, однако, не сохранился полностью, он дошел частично в виде извлечений византийского периода и в сокращении Ксифилина, и это значительно затрудняет суждения о его композиции.

Таким образом, из двух существующих в настоящее время повествований о походах Корбулона в Армению ни одно не может быть признано безусловно превосходящим другое по своим достоинствам. Рассказ Тацита гораздо подробнее, менее тенденциозен и критически лучше обработан; рассказ Диона сохраняет более древний вариант традиции, ближе к духу первоисточника и содержит некоторые детали, отсутствующие у Тацита. Поэтому при выяснении действительного хода парфянской войны 50—60 гг. I в. н. э., ее обстановки и целей, борьбы различных тенденций во внешней политике Рима и Парфии приходится опираться на оба источника, которые взаимно дополняют друг друга, а в тех случаях, когда они расходятся, — решать вопрос в каждом конкретном случае отдельно, исходя и из рассмотренных выше характерных особенностей этих источников и из общей оценки ситуации каждого данного момента.

О. В. Кудрявец

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕОЛОГ РАБСТВА

Источники по истории эллинизма сравнительно слабо отражают характер рабовладельческой идеологии этого времени. Среди необозримого количества дошедших до нас папирусов пока не обнаружено ничего, что могло бы в какой-то мере сравниться с произведениями греко-римских идеологов рабства: Платона и Аристотеля, Катона, Варрона и Колумеллы. Поэтому известный интерес представляет книга «Премудростей» Бен-Сиры, содержащая своеобразное сredo восточно-эллинистического рабовладельца. Между тем это интересное произведение не привлекло еще внимания исследователей в плане изучения рабовладельческой идеологии эллинизма.

Книга «Премудрости Иисуса сына Сираха» — по-гречески: *Σοφία Σειράχ* — принадлежит к числу так называемых апокрифов Ветхого Завета. Автор ее — Ἰησοῦς υἱὸς Σειράχ Ἱεροσολυμίτης; в сирийской и древнееврейской письменности он именуется Бен-Сирой. Из дошедшего греческого пролога к этой книге видно, что на греческий язык она была переведена в Египте внуком Бен-Сиры с еврейского оригинала (*Πρόλογος*, 5, 10)¹. Книга Бен-Сиры, по общему мнению исследователей, была напи-

¹ Мнение Марголиуса (S. Margoliouth, *The origin of the original Hebrew of the Ecclesiasticus*, L., 1899), что еврейский текст является переводом с греческого оригинала, не разделяется подавляющим большинством исследователей.

сана в первой половине II в. до н. э. (точнее: между 190 и 175 гг. до н. э.), а на греческий язык была переведена в Египте около 132 г. до н. э.¹ До 1896 г. еврейский текст был известен лишь по отрывкам, сохранившимся в талмудической и раввинистической литературе. В 1896 г. в знаменитой каирской генизе были обнаружены листы рукописи, повидимому XI в., содержащие 1064 стиха еврейского оригинала книги Бен-Сире, из 1616 стихов дошедшего греческого текста².

Книга Бен-Сире принадлежит к жанру дидактических произведений типа Екклесиаста, Притчей, Иова. Житейская философия Бен-Сире выражена, по его словам, в строго продуманных морализирующих сентенциях³. Эта декларация о взвешенности (ἐν σταθμῷ) и точности (ἐν ἀκριβείᾳ) его учения (παιδεία) придает особое значение тем местам книги, в которых выражены социально-политические воззрения автора. Утилитарно-религиозная философия Бен-Сире охватывает важнейшие стороны общественно-политической, социальной и религиозной жизни современного ему общества.

Все учение Бен-Сире пронизывает проповедь страха перед богом (1, 27; 10, 24—25; 40, 26—28; см. также главы 19, 21, 22 и др.), уничижения (2, 5), смирения (2, 1), соблюдения законов, почитания жрецов и неукоснительно точного выполнения всех имущественных обязательств перед ними (7, 31—34).

Бен-Сира выступает горячим поборником укрепления патриархальных устоев семьи, власти в семье отца, мужа и старшего брата (см. главы 3, 7, 9, 10, 23, 30, 33 и др.). Забота об укреплении семьи связана с заботой об укреплении устоев рабовладения, так как, по воззрениям древних, семья — основная ячейка рабовладельческого общества — мыслится как единство подвластных главе семьи свободных ее членов и рабов. У Аристотеля, например («Политика», I, 1, 6, перевод С. А. Жебелева), читаем: «Из указанных двух форм общения — мужа и жены, господина и раба — получается первый вид общения — семья»⁴.

Бен-Сира принадлежал скорее всего к среднезажиточному слою рабовладельцев. Об этом свидетельствуют многочисленные выпады против прегрешений богатых: «Богач обидел — и сам же угрожает, бедняк обижен — и сам же упрасивает» (13, 3). Он советует не ссужать деньги более сильному человеку, чтобы не лишиться своей ссуды (8, 12). Но в то же время Бен-Сира отнюдь не является сторонником бедности и противником богатства. В равной степени ему ненавистны и надменный нищий и лживый богач (25, 5: ...πτωχὸν ὑπερήφανον καὶ πλούσιον ψεύστην). Он выступает лишь против злоупотреблений богатых, призывая их к умеренности и смирению. Следует, однако, отметить, что праведного богача Бен-Сира считает счастливым исключением, «чудом»: «Счастлив богач, который оказался безукоризненным и который не гонялся за золотом. Кто он? И мы прославим его, ибо он сделал чудо в народе своем» (29, 8—9).

Хотя Бен-Сира и советует бедным не гоняться за богатством (гл. 31), быть довольными малым (29, 26), он тем не менее утверждает, что богатство и сила возвышают сердце (χρῆματα καὶ ἰσχύς ἀνυψώσουσι καρδίαν — 40, 26), золото и серебро утверждают стопы человека, т. е. прочно ставят его на ноги (χρυσίον καὶ ἀργύριον

¹ См. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, III³, стр. 157 слл.

² В ближайшие после находки годы текст оригинала был неоднократно издан в разных странах; библиографию см. у E. Schürer, ук. соч., стр. 163.

³ ἐκφαίνω ἐν σταθμῷ παιδείαν, καὶ ἐν ἀκριβείᾳ ἀπαγγέλλω ἐπιστήμην «Я обнародую учение обдуманно и возвещаю знание точное» (16, 25). Текст «Премудростей» Бен-Сире цитируется по изданию Тишендорфа — Нестле: Vetus Testamentum Graece iuxta LXX interpretes, ed. septima C. Tischendorfi — E. Nestle, I—II, Lipsiae, 1887.

⁴ О том, что в Риме стремление укрепить патриархальные основы семьи было связано с политикой укрепления устоев рабовладения, см. Н. А. Машкин, Принципат Августа, М., 1949, стр. 425; Е. М. Штаерман, Рабские коллегии и фамилии в период империи, ВДИ, 1950, № 3, стр. 71—85.

ἐπιστῆσουσι πίδα — 40, 25). Сыну своему Бен-Сира советует предпочесть смерть ниществу (40, 28: τέκνον, ζώην ἐπιτήδεωσ' μὴ βιώσῃς· κρείσσον ἀποθανεῖν ἢ ἐπαιτεῖν).

Принадлежность Бен-Сира к среднесостоятельным слоям проявляется и в том, что он рассматривает физический труд не только как источник существования, но и как средство приобретения и накопления богатства. Резко выступая против лени и ленивых¹, Бен-Сира советует не презирать труда, в частности земледельческого, установленного богом и увеличивающего богатства (7, 15: μὴ μισήσῃς ἐπίπονον ἐργασίαν καὶ γεωργίαν ὑπὸ ὀπίσθου ἐκτισμένην; 20, 28: ὁ ἐργαζόμενος γῆν ἀνυψώσει θεμιμονοίαν αὐτοῦ; ср. также 10, 27).

В ряде сентенций Бен-Сира нашло свое отражение характерное для стран эллинистического Востока широкое распространение ссудных операций, ипотеки и поручительства, рост числа несостоятельных должников и разорение поручителей (29, 2—10). При этом Бен-Сира определенно выступает на стороне займодавцев против неплательщиков (29, 3—9).

Глава 13 «Премудростей» Бен-Сира — яркое свидетельство необычайной остроты социальных противоречий, раздирающих современное автору эллинистическое общество:

13. 18: «Какой мир у гниен с собакой? И какой мир у богатого с бедным?»
 13. 19: «Подобно тому, как дикие ослы в пустыне являются добычей для львов, так бедные являются пастбищем для богатых».
 13. 20: «Как для высокомерного отвратительно смирение, так для богатого противен бедный».

Борьба между богатыми и бедными красной нитью проходит через все поучение Бен-Сира. При чтении создается впечатление, что вся книга пронизана намеками на конкретные события социально-политической борьбы, вольным или невольным участником которой был автор, подвергшийся смертельной опасности (ср. гл. 51, 1—17; 26, 5—6; 22, 25; 27, 18—23; 28, 15). Не имея возможности подробнее остановиться здесь на этом вопросе, требующем специального исследования, отметим, что в результате «напряженного размышления» (διαλογισμοὶ μετὰ κόπον, 13, 26) над происшедшим автор формулирует свой взгляд на взаимоотношения с сильными мира сего и свое политическое credo.

Взаимоотношения с могущественными [и богатыми людьми строятся на основе страха, сервилизма и угодничества: «Вельможа, судья и властелин — почтенны» (10, 24)². «С человеком сильным не ссорься, чтобы не попасть когда-нибудь ему в руки» (8, 1). «С человеком богатым тяжбы не заводи, чтобы он не имел перевеса над тобой» (8, 2). «В собрании старайся быть приятным и перед вельможами склоняй голову» (4, 7).

В соответствии с этим автор высказывает свой взгляд и на способ политического управления страной. Исходным пунктом для Бен-Сира является непроходимая пропасть между физическим и умственным трудом. Физический труд рассматривается им как необходимое условие создания материальных благ, обслуживающих потребности высших слоев общества. Люди высших слоев, свободные от всякого физического труда, являются единственными создателями духовных ценностей. В главе 38 Бен-Сира, подобно Аристотелю, утверждает, что люди, занимающиеся физическим трудом, не способны принимать участие в политической жизни, мыслить и решать какие бы то ни было вопросы государственного порядка. «Может ли быть мудрым тот, кто следует за плугом и хвастает бичом, погоняет волов и занят их работой, разговор которого — только о молодых волах?» (38, 25). «Сердце его занято тем, чтобы проводить борозды, он не спит, думая о корме для телят» (38, 26). Так же относится Бен-Сира и к людям ремесленного труда: к плотнику, зодчему, резчику,

¹ См. 22, 1—2: «Ленивый подобен грязному камню...»; «ленивый подобен воловьему помету...». Ср. 10, 27: κρείσσον ἐργαζόμενος ἐν πάσιν...

² Ср. 20, 28: ...ὁ ἀρίστων μεγιστὸν ἐξέλκεται ἄδικον «угрожающий великим неоплатителем за свое прегрешение».

кузнецу, горшечнику (38, 27 слл.)¹. Бен-Сира признает, что все эти ремесленники необходимы городу, ибо «без них город не может ни возникнуть, ни существовать» (38, 32). Однако, продолжает автор, в Собрании эти люди не выдвигнутся на высокие посты (καὶ ἐν ἐκκλησίᾳ οὐχ ὑπεράλοῦνται²), на судейское кресло не сядут и не будут обсуждать судебные постановления и т. д. (38, 33), ибо «мудрость приобретается в благоприятное время досуга, и кто мало занимается делами, может приобрести мудрость» (σοφία γραμματέως ἐν εὐκαρίᾳ σχολῆς, καὶ ὁ ἐλασσοῦμενος πράξει αὐτοῦ σοφισθήσεται, 38, 24). Таким образом, согласно Бен-Сире, к политическому руководству могут быть призваны только люди, не занятые физическим трудом, посвящающие свой досуг изучению мудрости, именитые люди (ἄνδρες ὀνόμαστοί, 39, 2)³.

Таковы в самых общих чертах основы социально-политического мировоззрения Бен-Сиры. Обращает на себя внимание, что взгляды Бен-Сиры перекликаются с основными теоретическими установками и критериями организации «идеального государства» Аристотеля. У Аристотеля («Политика», VII, 8, 2, перевод С. А. Же-государства) мы читаем: «В государстве, пользующемся наипрекраснейшей организацией и объединяющем в себе мужей абсолютно справедливых, а не условно справедливых [применительно к той или иной государственной системе], граждане не должны вести жизнь, какую ведут ремесленники или торговцы (такого рода жизнь неблагородна и идет вразрез с добродетелью); граждане проектируемого нами государства не должны быть и землепашцами, так как они будут нуждаться в досуге и для развития своей добродетели, и для занятия политической деятельностью». Не касаясь здесь вопроса о возможности прямого взглядов Бен-Сиры и Аристотеля по себе эта близость социально-политической идеологии классической Греции свидетельствует о действительности рабовладельческой идеологии классической Греции и в условиях эллинистического Востока II в. до н. э. В этой связи весьма интересен вопрос об отношении Бен-Сиры к рабам.

Идеология Бен-Сир — насквозь рабовладельческая. Рабы никогда не выходят из поля зрения автора, к ним он прибегает даже в тех случаях, когда хочет образно выразить какую-либо мысль⁴. Бен-Сира различает две категории рабов: 1) честно и усердно трудящегося раба, разумного раба (οἰκέτην ἐργαζόμενον ἐν ἀληθείᾳ, οἰκέτην συνέτον); 2) худого (πονερόν), ленивого (ἄργον) раба. Усердно трудящегося раба, как и преданного наемного работника, Бен-Сира советует не обижать (7, 20: μή κακώσης οἰκέτην ἐργαζόμενον ἐν ἀληθείᾳ, μηδὲ μίσθιον διδόντα [τήν] ψυχὴν αὐτοῦ), а разумному рабу не отказывать даже в свободе (7, 23: οἰκέτην συνέτον ἀγαπάτω σου ἢ ψυχῇ, μή στερήσης αὐτὸν ἐλευθερίας, т. е. «пусть душа твоя любит разумного раба, и не лишай его свободы»).

Эти советы разумно обращаться с рабами перекликаются с соответствующими высказываниями Варрона⁵. Такого рода предписания характерны для периодов

¹ Попутно автор говорит о тяжелых условиях изнурительного труда ремесленников, что напоминает известные древнеегипетские поучения Ахтоя, сына Дуау. См. Б. А. Тураев, История древнего Востока, т. I, 1936, стр. 222—223.

² ὑπεράλοῦνται — буквально: «подпрыгнуть». В слове Liddel — Scott s. v. ὑπεράλλομαι отмечено, что ὑπεράλλομαι только для данного места (Sir., 38, 33) означает: leap to a high place — добиться высокого положения.

³ В главе 44 восхваляются славные, именитые силой, богатые «руководители народа» (ἡγούμενοι λαοῦ).

⁴ См., например, 23, 10, где автор сравнивает грешника, который не очищается, хотя и призывает имя бога, с рабом, раны которого не заживают, так как он постоянно наказывается (ῥά οἰκέτης ἐξεταζόμενος ἐνδελεχῶς ἀπὸ μώλωπος οὐκ ἐλάνθανθησεται...). Ср. также 42, 5.

⁵ Ср. Варрон, О сельском хозяйстве, I, 17 (АСПН, № 25): «Нельзя также позволять начальникам, чтобы средством принуждения служили им удары, а не увещания, раз оба эти средства одинаково могут привести к цели». Там же: «Охоту к труду можно вызвать также более свободным режимом, более щедрой мерой пищи и одежды, сокращением количества работы и т. д.».

кризиса рабовладельческого хозяйства, когда осознается необходимость создания стимулов, повышающих производительность труда рабов, и некоторого смягчения непомерно жестоких форм эксплуатации, приводящих к вспышкам классовой борьбы. Однако здесь нет еще и речи о кардинальном улучшении положения рабов. Так, Бен-Сира советует не церемониться с плохими рабами. Подобно тому, как не следует стыдиться точного исполнения законов, точности в весах и мерах (sic!), беспристрастия в купле и продаже, строгого воспитания детей, — точно так же не следует стыдиться «окровавить бока худому рабу» (42,5) ¹.

Наиболее показательно и отчетливо отношение Бен-Сиря к рабам выражено в главе 30, стихах 33—40 ²:

33. «Корм, палка и груз — для осла; хлеб, битье и работа — для раба ³.

34. Заставляй раба работать ⁴, и ты обрешь покой;

оставь ему руки свободными — и он будет добиваться свободы ⁵.

¹ καὶ οἰκέτη ποιεῖ πλευράν αἰμάξαι. Уже одно это место, как и весь приводимый ниже отрывок 30, 33—40, свидетельствует против мнения Вестермана о том, что жестокое обращение с рабами в эллинистическое время было редким явлением и исключением из общего правила. См. W. L. Westermann, Sklaverei, RE, Supplb. VI, стб. 943.

² Sir. 30, 33—40:

³³ χορτάσματα καὶ ῥάβδος καὶ φορτία ὄνῳ, ἄρτος καὶ παιδεία καὶ ἔργον οἰκέτῃ. ³⁴ ἔργασαι ἐν παιδί, καὶ εὐρύσεις ἀνάπαυσιν ἄνευ χειρὸς αὐτοῦ, καὶ ζητήσῃ ἐλευθερίαν. ³⁵ ζυγὸς καὶ ἰμάς κάμψουσι τράχηλον, καὶ οἰκέτῃ κακοῦργῳ στρέβλαι καὶ βάσανοι. ³⁶ ἔμβαλε αὐτὸν εἰς ἔργασίαν, ἵνα μὴ ἀργῇ, ³⁷ πολλὴν γὰρ κακίαν ἔδιδάξεν ἡ ἀργία. ³⁸ εἰς ἔργα κατάρτησον καθὼς πρέπει αὐτῷ καὶ μὴ πειθαρχῇ, βάρυνον τὰς πέδας αὐτοῦ. καὶ μὴ περισσεύσης ἐν πάσῃ σαρκί, καὶ ἄνευ κρίσεως μὴ ποιήσης μηδέν. ³⁹ εἰ ἔστι σοι οἰκέτης, ἔστω ὡς σύ, ὅτι ἐν αἵματι ἐκτίσω αὐτόν· εἰ ἔστι σοι οἰκέτης, ἄγε αὐτόν ὡς σεαυτόν, ὅτι ὡς ἡ ψυχὴ σου ἐπιδειχθεὶς αὐτοῦ ⁴⁰ ἐὰν κακώσης αὐτόν καὶ ἀπάρας ἀποδῇ, ἐν ποίᾳ ὁδῷ ζητήσεις αὐτόν.

³ Ср. Катон, Земледелие, главы 2, 4, 5, 56, 57, 58, 59.

⁴ ἔργασαι ἐν παιδί — трудный для перевода, чуждый классическому греческому языку оборот. Дословно — «работай в рабе» или, рассматривая дательный падеж в значении инструментальном, — «работай рабом», т. е. с помощью, при посредстве раба. Оригинальный текст этого места не сохранился, однако можно предполагать, что переводчик, повидимому не очень хорошо владевший греческим языком, находился под влиянием конструкции оригинала. Аналогичная конструкция ἔργασαι с дательным падежом встречается несколько раз в книге Бен-Сиря. Так, например, в 30, 13 читается: παίδευσον τὸν υἱόν σου καὶ ἔργασαι ἐν αὐτῷ — «воспитывай (наказывай?) своего сына и работай в нем», т. е. работай над ним, занимайся им. Дошедший текст оригинала этого места гласит: jsr bnk whkbd 'wlw, т. е. «воспитывай (или наказывай) своего сына и утяжеляй его бремя (буквально: ярмо)». Еще более показательным является 13, 4: ἐὰν χρησιμεύσης, ἔργαται ἐν σοί, т. е. «если ты выгоден для него, он употребит тебя» (буквально: «он будет работать в тебе»). Оригинальный текст этого места гласит: 'm tksr lw j'bd bk, т. е. «если окажешься для него пригодным, он будет работать в тебе», иными словами: «ты будешь работать на него». Здесь перед нами характерная конструкция глагола 'bd («работать») с предлогом бэ, (=русск. «в»), означающая «работать на кого-то, ради кого-то» (ср. Gn. 29, 20: wajjā 'ābōd ja'āqob bəgāhel šeba' šānīm «и работал Яков ради Рахили семь лет»). Возможно, что переводчик механически перенес значение этого оборота на ἔργασαι ἐν παιδί. Как бы то ни было, весь контекст Sir. 30, 33—40 действительно подсказывает смысл: «нагружай раба работой», «заставь раба работать».

⁵ Ср. Катон, Земледелие, 2, 3—4; 5, 2—5.

35. Ярмо и упряжь согнут выю [осла], а злокозненному рабу [согнут шею] пытки и мучения.
36. Займи его работой, чтобы он не бездельничал, ибо праздность научила многому скверному¹.
37. Приставь его к работе, как подобает ему, а если он не будет повиноваться — наложи на его ноги оковы. Но не допускай излишеств² в отношении всего тела и ничего не предпринимай, не рассудив.
38. Если есть у тебя раб, то пусть он будет как ты, потому что ты приобрел его кровью³.
39. Если есть у тебя раб, обращайся с ним как с самим собой, ибо как душа [твоя пуждается в тебе], так ты будешь нуждаться в нем⁴.
40. Если ты будешь скверно обращаться с ним и он, поднявшись с места, убежит, — на какой дороге ты будешь искать его?»

Ряд сентенций Бен-Сирь дает представление о хозяйственных и бытовых условиях жизни рабов на эллинистическом Востоке во II в. до н. э., о формах классовой борьбы рабов (бегство — см. 30, 40; неповиновение — 30, 37; намек на «многое худое», протекающее от праздности рабов; *πολλὴν γὰρ κακίαν ἐδίδαξεν ἡ ἀργία* — 30, 37).

Все поучение Бен-Сирь рисует картину сложной социальной борьбы, раздиравшей эллинистическое общество Востока. Как уже указывалось выше, наряду с противоречиями между рабами и рабовладельцами, Бен-Сира — эллинистический идеолог рабовладения — не менее ярко подчеркивает необычайно острые и непримиримые конфликты между имущими и неимущими, богатыми и бедными.

Такое резкое обострение борьбы внутри свободных также характерно для периодов кризиса рабовладельческого полиса, когда ресурсы рабовладельческого государства истощаются и не позволяют продолжать политику помощи свободной бедноте. Об этом же свидетельствуют имеющиеся в «Премудростях» намеки на зависимость продовольственного снабжения полиса от щедрости отдельных богатей (24, 23—24)⁵.

Если рассмотренный нами своеобразный «манифест» восточно-эллинистического рабовладельца превосходит по цинично откровенной классовой беспощадности положения даже теоретиков римского рабовладения, в частности современника Бен-Сирь Катона Старшего, то естественно возникает вопрос: на почве какого способа производства могла возникнуть такого рода идеология? Какое хозяйство, какой социальный

¹ Ср. Катон, Земледелие, 4: «Рабам провинностей не спускай»; 5, 1: «Если кто в чем провинился, он (т. е. виллик) хорошенько наказывает виноватого, смотря по проступку».

² Платон (Epist., VIII, 354E) считает излишества чрезвычайным злом (*πάγκρατον*) по отношению к рабам и свободным.

³ Стихи 38—39 не противоречат общему контексту: в них речь идет об обращении с «хорошим», не провинившимся рабом. Та же мысль выражена Платоном в «Законах» (VI, 19, 777 D), где говорится, что хорошее обращение с рабами — целиком в интересах рабовладельцев. Характерно следующее указание Платона: «...Не позволять себе никакой наглости по отношению к рабам, но, если возможно, еще менее причинять им обиды, нежели равным нам» (там же, перевод А. Н. Егунова).

⁴ Противопоставление души и тела в стихе 39 напоминает учение Аристотеля о рабе как о части тела господина, наделенной душой: «Дурное применение власти не приносит пользы ни господину, ни рабу: ведь, что полезно для части, то полезно и для целого, что полезно для тела, то полезно и для души; а раб является своего рода частью господина, как бы одушевленной и отделенной частью его тела» («Политика», I, 2, 20, перевод С. А. Жебелева, разрядка моя. — И. А.).

⁵ Ср. IOSPE, 1², 32 — декрет в честь Протогена, где в числе заслуг почтенного ольвийского гражданина указывается проявленная им щедрость и умеренность в закупках и продаже хлеба населению Ольвии.

строй, кроме рабовладельческого, могли породить эту звериную идеологию эксплуататора-рабовладельца? Ответ может быть только один: рассмотренный нами документ лишний раз подтверждает правильность одного из основных методологических положений советской науки об античности, заключающегося в том, что эллинизм представляет собой не что иное, как определенный этап в развитии рабовладельческого способа производства в области Восточного Средиземноморья¹.

Перевод книги Бен-Сирь на греческий язык и широкое распространение ее в Египте свидетельствуют о том, что общественно-политические взгляды, высказанные им, были созвучны идеологии правящих групп эллинистического Востока.

Совпадение высказываний Бен-Сирь о рабстве с основными положениями идеологов античного рабовладения говорит о сравнительной устойчивости и последовательности развития идеологии господствующего класса, призванной поддерживать и укреплять рабовладельческий базис. Когда центр рабовладения перемещается с эллинистического Востока в Рим, — те же идеи, которые питали мировоззрение эллинистических рабовладельцев, *mutatis mutandis* возникают на римско-италийской почве.

И. Д. Амусин

К ЗНАЧЕНИЮ СЛОВА $\tau\upsilon\chi\tau\acute{o}\nu$ В ГОРТИНСКОЙ НАДПИСИ

В конце V колонны текста гортинских законов, в том месте, где говорится о порядке наследования и раздела имущества умершего человека, читается слово $\tau\upsilon\chi\tau\acute{o}\nu$, которое является прилагательным, стоит здесь в родительном падеже множественного числа и в дословном переводе на русский значит «смертных». Надпись дает следующий контекст: «О смертных, о плодах, об одеждах, об украшениях и о вещах движимых, если не захотят делиться, ... то по поводу спорного имущества решить дело судье под присягой».

Критская форма прилагательного $\tau\upsilon\chi\tau\acute{o}\varsigma$ сохраняет тут, согласно нормам дорического диалекта, общегреческий долгий звук «ā» и характеризуется, кроме того, дисилозой, то есть утратой спиранта. Иначе говоря, дорическая диалектная форма $\tau\upsilon\chi\tau\acute{o}\varsigma$ в точности соответствует поно-аттической форме $\theta\upsilon\chi\tau\acute{o}\varsigma$ «смертный». В разбираемой нами фразе это прилагательное стоит в родительном падеже множественного числа и может быть принято как за мужской, так и за средний род: обе формы звучат одинаково. К раскрытию подлинного смысла выражения «смертные» нас убедительно и проще всего подводит общий контекст. Если перед нами прилагательное среднего рода, как это и полагает большинство издателей ($\tau\acute{\alpha} \tau\upsilon\chi\tau\acute{\alpha}$), то, думается, оно очень близко другому, греческому же выражению $\tau\acute{\alpha} \epsilon\mu\psi\upsilon\chi\alpha$, которым на правовом языке классической Греции обозначались всякого рода предметы «одушевленные», в том числе и животные. Заметим, что и у Геродота, близкого современника гортинской надписи, в египетской части его Истории (II, 68) слово $\theta\upsilon\chi\tau\acute{o}\nu$ значит «животное», $\alpha\iota\mu\alpha\lambda$ ($\zeta\phi\omicron\nu$): оно применено им к нильскому крокодилу. При таком понимании слово $\tau\upsilon\chi\tau\acute{\alpha}$ в гортинской надписи значит «скот», а самый порядок перечисления предметов, подлежащих судебному разбирательству, получает тогда логическое обоснование: на первом месте значится «живой инвентарь»², затем сбор плодов и далее предметы определенно вещевого порядка: одежда, украшения, мебель.

¹ Ср. А. Б. Рацович, Эллинизм и его историческая роль, М., 1950, стр. 16, см. также стр. 29: «Эллинизм означал повторение развития античного рабовладельческого общества на более высокой ступени».

² Live stock, как перевел это слово на английский язык Бэкс — Buxk, Introduction to the study of the Greek dialects, Boston, 1910, стр. 268.